

№ 81 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Январь, 2018

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ПОЛИТИКА

Алексей Миллер

Об авторе

Алексей Миллер

*Доктор исторических наук; профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге;
член Общественного совета при Федеральном агентстве по делам национальностей;
приглашённый профессор Центрально-европейского университета (Будапешт)*

*Данный текст отражает личное мнение авторов,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Революция 1917 г. в России была одним из ключевых событий XX века. Теперь, когда разнообразные мероприятия, связанные с её столетним юбилеем, подходят к концу, мы можем проанализировать опыт 2017 г. и как часть профессиональной дискуссии историков о революции, и как часть политики памяти в отношении того исторического периода.

Революция и российская политика памяти

Дистанцирование властных элит от революционного наследия началось уже в 1990-е гг., когда 7 ноября перестали проводить торжественные парады на Красной площади. Вскоре, в 1996 г., день 7 ноября из Дня Октябрьской революции был переименован в День согласия и примирения, что выводило в фокус внимания преодоление последствий раскола и Гражданской войны. Отметим, что не было предпринято попыток сделать Февральскую революцию новым «мифом основания», то есть представить её в однозначно положительном ключе и возвести к ней генеалогию постсоветской демократической России. В 2004 г. праздник 7 ноября был отменён вовсе. Высшие лица государства практически не обращались к революции в своих публичных выступлениях.

Коротко подход властей к столетнему юбилею революции можно определить так: отмечать, но не праздновать. Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвящённых 100-летию революции 1917 г. в России, было подписано президентом Владимиром Путиным в декабре 2016 г., менее чем за два месяца до юбилея Февральской революции. Оно было предельно кратким и «техническим». Государство лишь определяло размер финансирования юбилейных мероприятий, главным образом научных конференций и музейных выставок. Власти не взяли на себя роль организатора коммеморативных мероприятий, перепоручив эту миссию Российскому историческому обществу (РИО), что заметно понижало статус юбилея. Если мы вспомним, что указ о подготовке к празднованию 70-летия победы в Великой Отечественной войне был принят в 2013 г., а заседаниями оргкомитета по подготовке этого юбилея руководил лично президент В.В. Путин, то разница в отношении властей к двум ключевым памятным датам советской эпохи станет очевидной.

Постановление говорило о «революции 1917 г. в России», то есть не употребляло никаких эпитетов. Появившаяся впоследствии в ходе обсуждений РИО и академического истеблишмента формула «Великая Российская революция» так и не была ни разу использована главой государства.

В поисках приемлемой формулы коммеморации столетия революции власти первоначально вернулись к ельцинской формуле «примирения и согласия», от которой

отказались в 2004 г. Именно эта формула была использована в послании президента Федеральному собранию, где говорилось о необходимости «ещё раз обратиться к причинам и самой природе революций в России», и подчёркивалось, что «уроки истории нужны нам, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь». Наряду с выставками, конференциями, круглыми столами, издательскими и образовательными проектами план мероприятий предусматривал установку и открытие памятника Примирения в Керчи, запланированное на 4 ноября 2017 г. Практически устранившись от формулирования официальной позиции в отношении революции, власти оставили публичное пространство открытым для дискуссий о причинах, последствиях и смысле революционных событий.

Помимо власти важным игроком в сфере политики памяти или, как принято об этом говорить на профессиональном жаргоне исследователей этой проблематики, важным «мнемоническим актором» в вопросе о революционном наследии являются коммунистические силы. В логике советского исторического нарратива Октябрь 1917 г. был мифом основания для государства рабочих и крестьян. Советская власть создала и поддерживала мощную инфраструктуру коллективной памяти этого мифа. Трактовка событий 1917 г. современными коммунистами в целом продолжает советскую традицию: либеральный Февраль, который начал распад страны, и Октябрьская революция, которая страну спасла, открыв нашему народу путь к светлому коммунистическому будущему. КПРФ оказалась единственной политической силой, намеренной праздновать эту дату в нарративе «Октябрьская революция — это момент национальной славы». Теперь, правда, акцент делается не на классовом значении Октября, но на его, как утверждается, ключевой роли в спасении и укреплении державы.

Наследие советского нарратива Октября намного шире и устойчивее, чем кажется. Частью этой концепции является представление о дореволюционной России как о погрязшей в социальных противоречиях, отсталой, безграмотной стране. В этом нарративе именно Октябрь открывал стране путь к модернизации. Даже осудив методы и многие результаты советской модернизации, наши современники часто остаются в рамках советского нарратива, когда речь идёт о дореволюционной России. Социологические опросы показывают, что более 40% до сих пор оценивают Октябрьскую революцию как положительное явление. При анализе этих цифр стоит помнить, что в современной России почти нет людей, появление которых на свет не было бы в той или иной мере обусловлено революцией. «Отрицание» революции становится своеобразным «отрицанием» себя, что, конечно, психологически очень непросто.

На наследие Октября, помимо коммунистов, претендуют «несистемные» политические силы, например, «Другая Россия», созданная членами Национал-большевистской партии. Следует отметить, что на левом фланге есть силы, не идентифицирующие себя с Октябрем, а скорее акцентирующие тему «упущенных возможностей», которые, по их мнению, открывал бы приход к власти небольшевистских левых — прежде всего эсеров, ставших накануне выборов в Учредительное собрание самой популярной партией в России.

Другим важным мнемоническим актором в данном контексте является Русская православная церковь (РПЦ), для которой 1917 г. — это, с одной стороны, начало национальной трагедии, где бедствия народа соединились с распадом государства и гонениями на духовенство, а с другой, — первый с XVII в. Поместный собор и восстановление патриаршества. РПЦ является одним из наиболее влиятельных игроков в сфере политики памяти в целом. Наглядным свидетельством этому служит масштаб исторических парков «Россия — моя история», созданных под её кураторством. У РПЦ особая позиция в вопросе о критической проработке прошлого, необходимость которой не отрицается. Но повестка такой проработки, предлагаемой РПЦ существенно отличается от повестки либеральной оппозиции и, например, «Мемориала». Можно предположить, что голос РПЦ в этих вопросах в обозримом будущем будет всё более влиятельным. Если в либеральной версии проработка прошлого сфокусирована на преступлениях коммунистического режима и проблеме «деспотической природы» российской власти в дореволюционный период, то в версии РПЦ проработка прошлого включает преступления большевиков и революционную и либеральную традицию в Российской империи, которые в этой интерпретации подрывали государство и готовили разрушительный революционный кризис.

Менее влиятельны, но вполне заметны в публичном пространстве позиции либеральных публицистов, видящих в Февральской революции нереализованный шанс на демократическое развитие страны. Также заявлена в публичном пространстве позиция, делающая акцент не столько на интерпретации революции 1917 г., сколько на использовании юбилея для артикуляции предсказаний о неизбежности новой революции в России.

В целом в России имеет место **фрагментированный конфликтный режим памяти** по поводу революции 1917 г. В этих условиях самоустранение властей от официальной оценки революции выглядит как наиболее конструктивная и прагматичная политика, особенно в ситуации, когда власти хотят сохранить широкую поддержку накануне президентских выборов¹.

В то же время, президент Путин в менее официальных обстоятельствах не раз формулировал свою позицию по вопросу о легитимности революции как инструмента решения социальных и политических проблем, который находится в центре идеологического конфликта вокруг событий 1917 г. Так, выступая на Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», Владимир Путин сказал:

Революция — это всегда следствие дефицита ответственности. Как тех, кто хотел бы законсервировать, «заморозить» отживший, явно требующий переустройства порядок вещей, так и тех, кто стремится подстегнуть перемены, не останавливаясь перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием.

¹ При анализе политики памяти в отношении юбилея революции автор использовал материалы семинаров, проведённых в рамках проекта РФН (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Сегодня, обращаясь к урокам столетней давности, к русской революции 1917 г., мы видим, какими неоднозначными были её результаты, как тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий. И зададимся вопросом: разве нельзя было развиваться не через революцию, а по эволюционному пути? Не ценой разрушения государственности, беспощадного слома миллионов человеческих судеб, а путём постепенного, последовательного движения вперёд.

Вместе с тем общественная модель, идеология, во многом утопичные, которые на начальном этапе после революции 1917 года пытались реализовать образовавшееся новое государство, дали мощный стимул для преобразований по всему миру (это совершенно очевидный факт, это нужно тоже признать), вызвали серьёзную переоценку моделей развития, породили соперничество и конкуренцию, выгоды из которых, я бы сказал, в большей степени извлёк именно так называемый Запад.

Что имею в виду? Это не только геополитические победы по итогам так называемой холодной войны. Ответом на совсем другое, ответом на вызов со стороны СССР стали многие западные достижения XX века. Я имею в виду повышение уровня жизни, формирование мощного среднего класса, реформы рынка труда и социальной сферы, развитие образования, гарантии прав человека, включая права меньшинств и женщин, преодоление расовой сегрегации, которая, напомню, ещё несколько десятилетий назад была постыдной практикой во многих странах, включая Соединённые Штаты.

Таким образом, революция для Путина — это «разрушительное противостояние», «беспощадный слом миллионов человеческих судеб», альтернативой которому он считает «эволюционный путь». Положительные последствия революции Путин видит не там, где она произошла, но на Западе, который извлёк из неё уроки, избежав разрушительных последствий.

Весьма знаменательно, что запланированное в год столетия революции открытие памятника Примирения в Керчи, позднее переименованного в памятник Единства, так и не состоялось. Памятник не был сооружён из-за протестов местных жителей, с которыми не согласовали его строительство. Зато в этот год президент принял участие в открытии памятника жертвам политических репрессий на проспекте Сахарова в Москве и памятника Александру III в Крыму.

Революция и историки

Противоречивость оценок революции свойственна и среде профессиональных историков. В дебатах историков можно выделить несколько ключевых взаимосвязанных тем. Во-первых, это вопрос о причинах революции. Связан с ним и вопрос о состоянии России и тенденциях её развития в начале XX века. В-третьих, это вопрос о разрыве и преемственности между дореволюционной и послереволюционной Россией. В-четвёртых, это вопрос о значении Февральской революции и жизнеспособности «демократического сценария». В-пятых, это вопрос о хронологических рамках революции. И, наконец, историки, как и политики, спорят о том, является ли революция продуктивным инструментом модернизации.

В вопросе о причинах революции можно условно выделить «монокаузальные» интерпретации, позволяющие назвать тот или иной фактор главным и решающим. Среди них окажутся и теории заговора, популярные среди радикальных националистов, и теории социально-экономического детерминизма, унаследованные от советской традиции. Сегодня такие подходы занимают маргинальное положение.

Существенно возросло внимание историков к субъективным факторам — общественным настроениям и представлениям, которые «застылают» реальность, становятся в определённом смысле более реальными, чем сама реальность, а также механизмам манипуляции этими настроениями и представлениями. Всё чаще историки пытаются построить концепции, учитывающие множественность факторов, которые способствовали революции. В этом случае субъективные факторы и поведение мобилизованных элитных групп иногда оцениваются как решающий фактор, а иногда как своеобразное дополнение к старой концепции социально-экономического детерминизма.

Таким образом, профессиональное историческое знание идёт по пути усложнения представлений о причинах революции, о решающих факторах на разных этапах. При этом число специалистов, считающих субъективные факторы главными, особенно на первом этапе революции, растёт.

Показательно, что российские историки довольно мало внимания уделяют национальным проблемам империи как революционному фактору, в то время как в исторических нарративах в бывших республиках этот фактор приобретает большое, если не решающее значение.

Важный научный вклад в осмысление революции в этом году — книга Б.И. Колоницкого «Товарищ Керенский». Она посвящена тому, как сразу после Февраля начинает формироваться культ Керенского как вождя революции. Это на самом деле очень важный тезис, поскольку он свидетельствует, что уже в тот момент, когда рушится монархия и начинается «либерально-демократический» февральский этап, запускается процесс формирования культа личности вождя, причём осознанный и спланированный. Отсюда следует, что вовсе не Сталин придумал культ личности, и даже не Ленин. Важно, что таким образом А.Ф. Керенский и его соратники пытались заполнить вакуум, возникший в политическом воображении масс после краха монархии. Уже тогда надежды на гладкое демократическое развитие России были наивны.

Для понимания роли Февраля важны исследования социально-экономической ситуации, в особенности работы Л.И. Бородкина, показывающие, что обвал начался на рубеже 1916 и 1917 гг., приняв катастрофический характер после Февральской революции. Если до 1917 г. рост зарплат следовал за ростом цен, компенсируя большую его часть, то после революции рост зарплат резко увеличился по политическим причинам, и, как следствие, начался галопирующий рост цен. Если принять за 100 значение индекса цен в 1913 г., то в январе 1917 г. оно было равно 294, а в декабре того же года — уже 1545. Масштаб катастрофы наглядно показывают такие цифры: с учётом инфляции средняя реальная зарплата была 278 руб. в 1916 г., 220 руб. — в 1917 г. и 27 руб. — в 1918 г. Между тем, вплоть до конца 1916 г. в стране не было карточек на продовольствие, не считая карточек на сахар, введённых в 1916 г., при том, что все остальные воюющие державы Европы такие карточки имели уже в 1915 г. Развал государственных структур отчасти компенсировался силой и устойчивостью муниципалитетов крупных городов, постепенно набравших силу после реформы 1870 г. Разгром муниципалитетов Советами и дезертирами осенью 1917 г. окончательно погрузил страну в социально-экономическую катастрофу.

Революция, открывая двери в определённый коридор с принципиально новыми возможностями и обстоятельствами, одновременно закрывает двери в другие коридоры, куда страна могла войти, если бы революция не случилась, или не случилась в такой разрушительной версии. Шанс стать лидирующей мировой державой на прочном основании у России был в начале XX века. Именно тогда во всех областях жизни страны был накоплен потенциал, позволявший в течение ближайших десятилетий рассчитывать на ускоренное развитие, которое в XX веке принято было называть экономическим «чудом». Речь идёт и о промышленном росте, и о трансформации сельского хозяйства, и о развитии инфраструктуры, и об инновационном потенциале науки и инженерной мысли. В высшем образовании впечатляют даже абсолютные цифры высших учебных заведений и их студентов, а в начальном — основанием для оптимизма служит динамика, говорящая о том, что накануне войны страна вплотную подошла к введению всеобщего начального обучения. Эта ситуация возникла не в результате бесконечного цикла реформаторских попыток и срывов, как нередко описывают российскую историю имперского периода. Она была следствием накопления качественных изменений в результате длительного ряда преобразований, кульминацией которых стали реформы П.А. Столыпина. Важно подчеркнуть, что и после его гибели эти тенденции отнюдь не исчерпались. Эти процессы наиболее полно освещены в книге М.А. Давыдова «Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте-Столыпина». В стране были кризисные явления, но это был кризис роста.

Вплоть до осени 1916 г. страна справлялась с вызовами войны. Первые годы войны, при всех сложностях и неудачах, особенно отступлении 1915 г., подтвердили высокий потенциал российской экономики. К 1916 г. страна сумела радикально нарастить производство боеприпасов и практически сравнялась по этому показателю с Германией. С точки зрения производства вооружений и продовольственного снабжения военная экономика России демонстрировала большой запас прочности и потенциал роста. Именно революция обрекла Россию на поражение в войне и отняла у неё уникальный шанс прорыва в число ведущих — не только по объёму, но и по инновационному потенциалу — экономик мира.

В вопросе о преемственности и разрыве между Российской империей и СССР трудно найти элементы континуитета. Это неудивительно, поскольку новое государство возникло на том же географическом пространстве и использовало экономические, интеллектуальные и демографические ресурсы, унаследованные от Российской империи. Однако трудно представить себе более масштабный разрыв преемственности, чем тот, который принесла Октябрьская революция. Она изменила всю систему правовых и экономических отношений, уничтожив частную собственность, разрушив прежние механизмы развития промышленности и, со временем, подвергнув повторное закрепощение масс крестьянства. Октябрь и Гражданская война привели к массовому уничтожению и изгнанию из страны образованных слоёв, интеллектуальной элиты. Советский Союз стал воплощением принципиально иной, по сравнению с Российской империей, национальной политики. Большевики долгое время видели, и не без оснований, своего главного противника в лице носителей дореволюционного русского национализма. Новая советская национальная политика была основана на отрицании прежнего проекта единой русской нации, институционализации и территориализации этничности, что создало колоссальную пирамиду из более чем 10 тысяч национальных образований, от национальных колхозов до номинально суверенных союзных республик.

Для понимания динамики этих поистине революционных процессов логично рассматривать революцию не в рамках 1917–1922 гг., как предложено РИО, но включая и коллективизацию, и индустриализацию, и политический террор 1930-х гг.

Если мы примем предложенную оценку социально-экономического потенциала развития России накануне Первой мировой войны как дававшего шанс на устойчивый инновационный рост, темпы которого превышали общемировые, то мы сможем оценить революционную модернизацию как весьма затратный, мобилизационный вариант, давший заведомо более ограниченные и неустойчивые результаты.

Будем также помнить, что Гражданская война подорвала, а коллективизация и индустриализация окончательно сломали ту демографическую модель, которая позволяла в начале века ожидать численность населения России, превышающую 300 млн человек. Конечно, эта модель в любом случае должна была измениться по мере урбанизации, но это произошло бы существенно позже и более «плавно».

* * *

Подводя итог, можно сказать, что год юбилея революции прошёл плодотворно. Имела место вполне свободная и интенсивная общественная дискуссия о событиях столетней давности. Мы не достигли единства в трактовке тех событий, но на это и не приходилось рассчитывать. Но эти дебаты не вызвали в обществе какой-то дополнительной напряжённости и взаимного отчуждения, и это важно. Профессиональные историки существенно продвинулись вперёд в изучении революции, и остаётся только пожелать, чтобы всплеск их активности не стал исключительно «юбилейным». Есть основания полагать, что этого и не случится, потому что мы видели начало нескольких весьма оживлённых дискуссий вокруг по-новому сформулированных исследовательских вопросов.

Так, наверняка вызовет оживлённые дискуссии выходящая вскоре на русском языке книга Юрия Слёзкина «Дом правительства», о которой он рассказал в ходе нашей дискуссии на ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Книга рассматривает большевиков как своеобразную миллениаристскую секту, стремившуюся к радикальной трансформации мира. Уже оживлённо обсуждается недавно опубликованная книга о революции другого эксперта клуба «Валдай» — Доминика Ливена «Империя, война и конец царской России».

В 2016 г. премию «Большая книга» получил документальный роман Леонида Юзефовича «Зимняя дорога». Это рассказ об одном из последних эпизодов Гражданской войны в Якутии в 1922–1923 гг., о белом генерале Пепеляеве и красном командире-анархисте Строде. Они заслуживают этого рассказа потому, что оба ведут себя в условиях ожесточения общества и армии достойно — не добивают пленных и раненых, не прибегают к пыткам и т.д. Мы знаем о людях, которые отказывались встать на чью-либо сторону в Гражданской войне, устанились от борьбы, заступались за красных перед белыми и наоборот. Таким был, например, поэт Максимилиан Волошин. Но в книге Юзефовича речь об активных участниках борьбы. И они достойны этого рассказа, потому что сохраняют моральные нормы и конвенциональные ограничения, которые у большинства в условиях гражданской войны снимаются. Кажется, это первая такая книга в нашей литературе. Она указывает на путь к примирению, по которому нам предстоит ещё долго идти. Вопрос не в том, чтобы выяснить, какая сторона была права в революционном конфликте, но принять, что приверженность человечности важнее того, красный ты или белый.

#Valdaiclub

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ